Блинова Е. А.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 26-28. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

он делает это через реминисценцию на стихотворение А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям…», актуализируя тем самым литературный контекст и контекст бытовой - историю конкретной личности.

4) В поэзии Г. Иванова можно встретить и **ритмические реминисценции.** Стихотворение «Все на свете не беда» перекликается с «Плясками смерти» А. Блока не только по содержанию, но и ритмически:

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут - куда?
Там - лишь черная вода,
Там - забвенье навсегда.
(А. Блок)

Тот же четырехстопный хорей мы видим у Г. Иванова:

Все на свете не беда,
Все на свете ерунда,
Все на свете прекратится -
И всего верней - проститься,
Дорогие господа,
С этим миром навсегда.

5) **Фонетические реминисценции**. Встречаются у Иванова и заимствования на уровне фонетики. В стихотворении «Где отцветают розы, где горит…» строка «Осенних роз лелея лепестки», очевидно соотносится с «Песней без слов» и «Челном томленья» К. Бальмонта. Но если ассонансы К. Бальмонта - это не просто эстетство, а попытка поэта на звуковом уровне воспроизвести, музыку слова («Ландыши, лютики. Ласки любовные.//Ласточки лепет. Лобзанья лучей…), сделать «слышимым» в стихотворении шелест воды, «вздохи ветра» («Ветер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн…»), то Г. Иванов лишь использует разработанный в двух этих произведениях технический прием для эстетической игры, копируя ассонанс на «л» у Бальмонта («лелея лепестки»).

Очевидно, что подчеркнутая ориентация на вторичность текстов Г. Иванова - не просто период ученичества, несамостоятельность молодого поэта, но магистральный принцип его поэтики, а строки «Друг друга отражают зеркала, //Взаимно искажая отраженье» можно считать эпиграфом ко всем его произведениям, независимо от времени их написания.

Нельзя не заметить также любовь автора к изображению уже изображенного, что реализует принцип вторичности на уровне содержания текста. В стихотворении «Заставка» автор описывает рамку венецианского зеркала, в стихотворении «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря» перед нами описание картины:

Пусть голубеют вечера, вздыхают легкие свирели,
Пусть колыхаются листы под розоватою луной,
И воскресает этот мир, как на погибшей акварели, -
Запечатлел его поэт и живописец крепостной.

Стремление подчеркнуть отраженность того, что изображается в стихах, затронуло и изобразительно - выразительную стороны поэзии Г. Иванова. Наглядным примером является следующее стихотворение:

Никакого мне не нужно рая,
Никакая не страшна гроза -
Волосы твои перебирая,
Все глядел бы в милые глаза.

Как в источник сладостный, в котором
Путник, наклонившийся страдой,
Видит с облаками и простором
Небо, отраженное водой.

Развернутое сравнение глаз любимой с отражающим источником можно посчитать метафорой поэзии Иванова, отражающей в себе всю культурную традицию.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Блинова Е. А.
Ульяновский государственный университет

Человек не мыслит своего существования вне времени, однако течение объективного времени ему не подвластно и не дано непосредственно в ощущениях. Тем не менее, с помощью языка человек обретает возможность не только упорядочить свое бытие, но каким-то образом даже влиять на ход времени - замедлять, торопить, поворачивать вспять, «играть» со временем - одним словом, манипулировать временем. Складывается иллюзия, что мы подчиняем себе объективное время, а это на самом деле не так. Только в языке «года летят», «время бежит, лечит, расставляет все по своим местам», «ночь приходит, пролетает» и т.д. Языковое (не объективное) время становится для человека той реальностью, которую он может и должен познать. Следует признать, что проблема языковой объективации времени уже не представляет на современном этапе

особой сложности, поскольку все основные вопросы, которые стояли перед лингвистами предшествующих поколений по большей части решены.

В литературе, посвященной проблеме языкового представления времени, выделяются три основных способа темпоральной индексации: лексический, морфологический и синтаксический [Ардентов 1955:9], которые в более поздних исследованиях уточняются и конкретизируются.

В современной лингвистике наибольшее освещение проблема темпоральности получила, на наш взгляд, в рамках функционально-семантического подхода. В функциональной грамматике объектом исследования становится функционально-семантическое поле (ФСП) темпоральности. Грамматическая категория времени признается ядром ФСП темпоральности, а к периферии относятся лексические показатели временных отношений, синтаксическая структура предложений, формы сослагательного наклонения, инфинитивные конструкции в сочетании с другими элементами контекста [Бондарко 1971:11].

Введение принципа поля дало возможность интегрировать неоднородные, разноуровневые единицы, используемые для выражения временных значений, а также обратить внимание на «стыки» смежных семантических категорий: аспектуальности, временной локализованности и модальности. Это был важный и необходимый шаг, позволивший преодолеть недостатки так называемого «уровневого» подхода к исследованию языковых явлений.

В сознании человека также откладывается свое представление о временной действительности, которое лучше всего описать как «понятие» о времени, формирующее некую «наивную философию» [Яковлева 1994:85] или «наивную модель» времени [Михеева 2004:70]. В. А. Плунгян предлагает описывать время как слово-хамелеон, поскольку его сущность определяется тем, что оно может в каждом из своих употреблений *напоминать* носителю языка [Плунгян 1997:161]. В лингвистической литературе не существует единого и общепринятого названия для такого наивного представления о времени. Н.А.Старикова отмечает в своей работе, что «реальному времени противопоставляется перцептуальное время - личное время индивидуума, упорядочивающее нашу психическую деятельность и дающее нам чувство «настоящего», «прошлого» и «будущего» [Старикова 1992:28]. Т.А.Буданова разграничивает понятия реального, перцептуального и концептуального времени. «Перцептуальное время является условием сосуществования и смены человеческих ощущений и других психических актов субъекта, оно формируется путем коррекции слуховых, зрительных и других ощущений субъекта. Субъективность перцептуального времени является причиной появления концептуального времени, поскольку человек нуждается в общезначимых формах для отражения реального времени. Фактически концептуальное время - некая абстрактная модель для упорядочения идеализированных событий» [Буданова 1994:21]. Таким образом, в рассуждениях Т.А.Будановой перцептуальное и концептуальное время относятся друг к другу как содержание (психические акты) и форма, упорядочивающая эти акты.

Интересно представить и точку зрения Е.С.Яковлевой, которая определяет в качестве основного предмета своего рассмотрения «время жизни» (lived time), переживаемое и проживаемое время [Яковлева 1994:85]. Она отмечает, что на языковое поведение человека влияют не только грамматические, физические и философские модели времени, но также и интуитивные представления о «времени жизни», которые принадлежат сфере самосознания как основные «формы постижения» окружающего мира [Яковлева 1994:85].

Итак, большинство лингвистов разделяет языковое время и некое «наивное понятие» о времени, которое существует в сознании человека и обозначается в терминах перцептуальное время, «время жизни», концептуальное время. Наверняка, имеются и другие названия для описанного выше феномена. Однако все представленные теории исходят из того, что концептуальное время откладывается в языке в виде значений. «Час» в русском языке может иметь и общее значение времени, и значение временного момента, мига. «Час» - это и точка, и срок, и период, интервал, заполненный событиями» [Михеева 2004:75]. На наш взгляд, это ошибочно, поскольку язык не связан напрямую с сознанием, и поэтому приписывать ему способность отображать многогранность и непредсказуемость «наивного» времени означало бы отождествлять языковую сферу и сферу сознания. Концептуальное время *выражается не в языке, а с помощью языка*, благодаря взаимодействию и взаимовлиянию языковых единиц друг на друга. Слово не может иметь много значений, оно у него одно - собственное, но под влиянием контекста у слова *формируются* новые значения. Этот тезис следует уточнить, пользуясь такими основополагающими терминами морфотемной концепции [Фефилов 1997], как языковое сознание, концептуальное сознание, координативное сознание.

Языковое сознание представляет собой область объективированных (отложившихся, «познанных») логико-мыслительных понятий и тем самым ориентирует на ретроспективное изучение составляющих его лексических единиц и категорий. *Концептуальное сознание* отражает объективную действительность в виде определенным образом структурированной системы понятий и межпонятийных отношений. И языковое, и концептуальное сознание являются самодостаточными статичными системами. Координативное сознание соотносит друг с другом языковое и концептуальное сознание, это та сила, которая приводит в движение эти статичные системы, «сглаживает» существующие между ними несоответствия для адекватного выражения мыслительного содержания. Координативное сознание, таким образом, осуществляет и направляет речемыслительную деятельность человека. Эта связующая, координативная функция сознания не учитывается в описанных выше теориях «наивной» философии времени, и остается лишь догадываться, каким образом субъективные и потому неподдающиеся логическому объяснению представления человека о том, что такое время, появляются в языковой структуре.

В морфотемной концепции речемыслительная (координирующая) деятельность сознания изучается в аспекте *репрезентации.* В репрезентативном плане категория темпоральности включается в систему сложных межпонятийных отношений, выражаемых на уровне речи, рассматриваются способы выражения **концептуального времени** на основе **языкового времени.** Концептуальное время существует в сознании человека, но не в языке, и поэтому оно значительно богаче по своему содержанию. Время в языке - это, прежде всего, структурированная система трех временных планов - настоящего, прошедшего и будущего, которые имеют четкие границы. В концептуальном времени нет такой четкости и упорядоченности, как нет и «планов» в том виде, в котором они представлены в языке. В процессе речевыражения оказывается, что эти три временные области неизменно «перетекают» одна в другую, ср. *В дверь звонят* (уже позвонили), *пойду, открою* (действие выполняется субъектом во время говорения). Можно представить и такую ситуацию: счастливый отец сообщает своему другу, что у него *родился* сын. Форма прошедшего времени репрезентирует, как кажется, вообще не временные понятия, а отношения принадлежности (у меня теперь *есть* сын и я его отец). В предложении *Она уже работает* с опорой на речевую ситуацию настоящее мыслится в связи с некоторым ретроспективным событием (она вышла из декретного отпуска и т.д.).

Таким образом, координативное сознание постоянно сталкивает два времени - языковое и концептуальное, в процессе наложения одного на другое рождается речемыслительное динамическое отношение, которое несет в себе *понимание* говорящим и слушающим смысла высказывания, и этот смысл необязательно связан с понятием времени.

Подводя итог сказанному, отметим, что рассмотрение категории времени в плане репрезентации должно охватывать не только время как таковое, но и то, что находится «за временем», то есть все разнообразие межпонятийных отношений, выражаемых как в условиях синтагматического, так и речеконтекстуального предицирования.

Список использованной литературы

1. **Ардентов Б.П.** Выражение времени в русском языке / Б.П. Ардентов. - Кишинев: Штиинца, 1975. – 30 с.
2. **Бондарко А.В.** Грамматическая категория и контекст / А.В. Бодарко. - Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 115 с.
3. **Буданова Т.А.** Понятие времени в философии, языке и культуре /Т. А. Буданова //Язык и культура: третья международная конференция. Доклады. - Киев, 1994, Ч. 1. - С. 21-26.
4. **Михеева Л. Н.** Измерение времени в русском языке: Лингвокультурологический аспект /Л. Н. Михеева //Филологические науки. - 2004. - № 2. - С. 69-78.
5. **Плунгян В.А.** Время и времена: к вопросу о категории числа/ В.А. Плунгян //Логический анализ языка. Язык и время. - М.: Индрик, 1997. - С. 158-169.
6. **Старикова Н.А.** Функционально-семантическое поле темпоральности в современном английском языке (в социолингвистическом аспекте): дисс. … канд. филол. наук /Н.А. Старикова. - Ростов-на-Дону, 1992. – 209 с.
7. **Фефилов А. И.** Морфотемный анализ единиц языка и речи /А. И. Фефилов. - Ульяновск: УлГУ, 1997. - 246 с.
8. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) /Е. С. Яковлева. - М.: Гнозис, 1994. - 343 с.

ТЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ЛИРИКЕ Б. ПАСТЕРНАКА (1923 - 1931)

Богданович О. В.
Магнитогорский государственный университет

В январе 1923 года в Берлине выходит четвертая книга стихов Пастернака « Темы и вариации», по свидетельству многих исследователей, включающая стихи 1917-1918 годов. В основе книги - те же настроения и события биографии автора, что и в книге «Сестра моя - жизнь». В книге «Темы и вариации» собраны стихи, по внутренним причинам исключенные Пастернаком из книги «Сестра моя - жизнь». В книге - шесть лирических циклов, а главной идеей, их объединяющих, является утверждение “жертвенной сути творчества” [Пастернак 1989: 314]**.** С этим можно согласиться лишь отчасти. У Пастернака в процессе стихотворчества никто ничем не жертвует: ни поэт, ни само творчество. Есть поэт, есть и поэзия. У поэта есть чувства, поэзия помогает их излить. Поэт просто чувствует, что он другой, иной, он умеет общаться с поэзией на “ты”, но просто иногда в своей игре с ней не всегда успевает набраться сил. Интересно с этой позиции рассмотреть один из текстов книги из цикла «Я их мог позабыть» « *Так начинают. Года в два…»,* в котором Пастернак подробно описывает становление поэта от самого рождения. В тексте нет печали или обречения, есть даже гордость , некое торжество над миром остальных: «Так начинают. Года в два // От мамки рвутся в тьму мелодий, // Щебечут, свищут, - а слова // Являются о третьем роде». Философское осознание, что твое место - вовсе не земля, и что то, что ощущается неподсознательно внутри не совсем похоже на то, что снаружи: “Мерещится, что мать - не мать.// Что ты - не ты, что дом - чужбина”. Мотив избранности поэта продолжается в строке, что “страшная красота” - то есть искусство, крадет детей, выбирая по весне (“скамья сирени”) отмеченных божественным даром. Отсюда возникают и первые замыслы (“Так начинаются цыгане”). Но, если есть замысел, значит, есть и вдохновение, а если вдохновение есть, значит замысел найдет себе собратьев, потомков: «Так открываются, паря // Поверх плетей, где быть домам бы, // Внезапные, как вздох, моря, // Так будут начинаться ямбы».